

Л.С. Тихобаева

**Формы внутриотраслевого сотрудничества
кабинетских камнерезных предприятий Урала
и Сибири в XIX – начале XX в.**

В России XVIII – начала XX в. существовало только три центра камнерезной отрасли промышленности: Петергоф, Екатеринбург и Колывань. В обработке поделочных, полудрагоценных и драгоценных камней тесно переплелись искусство и принуждение, творчество и тяжелый труд камнерезов, руками которых были созданы уникальные по качеству и размерам изделия. Сегодня они украшают крупнейшие музеи России и Европы, а в императорский период российской истории являлись предметами роскоши и служили поддержанию престижа самодержавной власти как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. В силу этих обстоятельств исследования в данной области сконцентрированы на искусствоведческих и историко-геоммологических аспектах. Кроме того, преимущественная их часть отличается пространственной ограниченностью, связанной с огромным расстоянием между центрами камнерезной отрасли промышленности, различиями в ведомственном подчинении и своеобразием территориальных объединений, в которые они входили. Тем не менее архивные материалы демонстрируют, что функционирование камнерезных предприятий происходило в постоянном взаимодействии и сотрудничестве, которые еще не подвергались специальному исследованию.

Регулярное и последовательное внутриотраслевое сотрудничество Екатеринбургской гранильной фабрики, Горнощитского мраморного завода и Колыванской шлифовальной фабрики сложилось в период их единого ведомственного подчинения Кабинету Его Императорского Величества (далее – Кабинет) с 1811 по 1917 г. Большое место в нем отводилось сырьевой сфере. Она включала в себя обмен породами поделочного камня между уральскими и алтайскими предприятиями, а также совместное использование ими обнаруженного в 40 км от Горнощитского завода месторождения «русского» наждака. Обмен поделочным камнем был обусловлен спецификой заказов на камнерезные изделия, требующих изготовления вещи или ее деталей из привозного материала. Такая практика затрудняет идентификацию места производства изделий по породе камня, что неоднократно подчеркивалось в историографии камнерезного искусства [1, с. 69; 2, с. 225]. Следует отметить, что функционирование Петергофской гранильной фабрики, оторванной от месторождений камня, полностью основывалось на привозном материале

как отечественного, так и импортного происхождения.

Важная роль в камнерезном производстве принадлежала наждаку, который использовался на всех этапах обработки камня, исключая обтеску и полировку. Традиционно этот материал закупался за границей по высокой цене, которая к тому же увеличивалась за счет расходов на перевозку из Петербурга. Поэтому штатная статья расхода на его покупку была одной из самых больших для камнерезных предприятий. В архивных документах Екатеринбургской и Колыванской фабрик он именовался «немецким». В 1812 г. в окрестностях Горнощитского завода было обнаружено месторождение наждака, получившего название «русский», стоимость которого была значительно ниже импортного материала [3, с. 239]. Использование в производстве «русского» наждака позволяло существенно снизить расходы на его транспортировку за счет сокращения пути доставки в два раза. Удорожание алтайских камнерезных изделий было прямым следствием использования в производственном процессе «немецкого» материала на самой удаленной от Петербурга Колыванской фабрике. В 1807 г. стоимость импортного наждака, включая расходы на перевозку до алтайского камнерезного предприятия, колебалась от 14 до 18 руб. за пуд [4, л. 77об.–78]. Поэтому, не дождавшись окончательного результата разведочных работ на наждачном прииске, Кабинет в начале 1815 г. распорядился отпустить специально командированному из Барнаула унтер-шихтмейстеру Постникову 400 пудов «русского» наждака для Колыванской шлифовальной фабрики по цене 1 руб. 25 коп. за пуд [5, л. 14–14об., 117]. Архивные документы этого периода свидетельствуют о планах Кабинета на ежегодную поставку 500 пудов уральского абразивного материала на колыванское предприятие, что встретило сопротивление администрации Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского завода. По ходатайству командира этих предприятий горный начальник Екатеринбургских заводов 8 декабря 1817 г. обратился в Кабинет с представлением о прекращении отпуска наждака для Колыванской фабрики, на что получил отказ, мотивированный невыгодностью транспортировки импортного материала из Петербурга на алтайское предприятие. Тем не менее размеры ежегодных поставок «русского» материала в Колывань были снижены до 250 пудов. При этом горному начальнику Екатеринбургских заводов было

рекомендовано приложить усилия к поиску новых месторождений наждака [6, л. 1–1об.].

С 1813 по 1835 г. изделия из алтайских камней при императорском дворе пользовались особой популярностью, что повлекло за собой увеличение числа заказов для Колыванской шлифовальной фабрики на их изготовление. Соответственно возросли расходы Кабинета, связанные со строительством дополнительного корпуса фабрики для обработки колоссальных изделий и увеличением штата ее рабочих на 39% за 1806–1821 гг. Кроме того, возросла потребность в наждаке. В этих условиях Кабинет стремился обеспечить работу шлифовальной фабрики всем необходимым при наименьших затратах, пренебрегая иногда интересами уральских камнерезных предприятий. В.Б. Семенов и Н.И. Тимофеев причинами такого поведения администрации Кабинета считают более близкое расположение алтайских каменоломен от места обработки в сравнении с уральскими, легкость в шлифовке и полировке алтайского камня, а также использование местных кварцевых пород в качестве наждака, «что позволило отказаться от дорогостоящего привозного абразива» [7, с. 54]. Местный кварцевый песок, обнаруженный в окрестностях фабрики Ф.В. Стрижковым в начале XIX в., действительно использовался в обработке алтайских камнерезных изделий, но только при первоначальных грубых работах и не мог полностью заменить наждак [8, л. 180–180об.]. Кроме того, распоряжения Кабинета о крупных поставках уральского материала на Алтай в 1815, 1817 гг. позволяют поставить под сомнение мнение исследователей об отказе Колыванской фабрики от привозного абразива.

По данным В.Б. Семенова, разработки месторождения уральского материала прекратились в 1822 г. [3, с. 239]. **Можно предположить, что вскоре они были возобновлены**, так как остановка добычи наждака была крайне не выгодна Кабинету. К сожалению, мы не располагаем информацией о снабжении этим материалом Колыванской фабрики в 1822–1861 гг., чтобы на фактах подтвердить правомерность нашей гипотезы. Однако даже в пореформенный период Екатеринбургской гранильной фабрике предписывалось ежегодно отправлять на Алтай 200 пудов уральского наждака [9, л. 22–22об.]. Интересно отметить, что в период планируемого закрытия этого предприятия (1861–1870 гг.) одной из важнейших задач, поставленной перед ним Министерством императорского двора и Кабинетом, было обеспечение «русским» наждаком Колыванской фабрики «на должайший по возможности срок» [9, л. 22–22об.]. В отчетных документах гранильной фабрики 80–90-х гг. XIX в. **зафиксированы** данные о ежегодном получении денежных сумм от алтайского камнерезного предприятия за уральский наждак. Можно сделать вывод о том, что с 1815 г. в обработке алтайских изделий из камня использовал-

ся преимущественно этот материал. Такое навязанное Кабинетом внутриотраслевое сотрудничество в сырьевой сфере позволяло существенно сократить затраты на содержание Колыванского предприятия.

Важной сферой внутриотраслевого взаимодействия и сотрудничества камнерезных центров Урала и Сибири являлось совместное решение административных проблем. В первой половине XIX в. оно осуществлялось на уровне начальников Екатеринбургских и Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов по вопросам местного управления кабинетскими камнерезными предприятиями Урала и Сибири. Его основу составляла двойственность подчинения камнерезных предприятий Урала на центральном уровне кабинетскому, а на местном – горному (казенному) ведомству. Аналогичным было положение Колыванской фабрики, сохранившей ведомственную зависимость от Кабинета, но оказавшейся с 1830 г. вместе с другими предприятиями Колывано-Воскресенского горного округа под управлением администрации, подотчетной Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов. В этих условиях у начальников Екатеринбургских и Колывано-Воскресенских заводов возникали вопросы, связанные с их компетенцией в отношении кабинетских камнерезных предприятий. В 1823 г. о «затруднениях входить в дела гранильной фабрики, по неимению особых правил касательно к оной обязанностей» сообщал Кабинету более года находившийся в должности горного начальника Екатеринбургских заводов О.С. Осипов [10, л. 10]. Содержание данного ему от Кабинета списка высочайших постановлений и правил, определявших его компетенцию относительно гранильной фабрики и мраморного завода, демонстрирует отсутствие четкой регламентации прав и обязанностей горного начальника в этой сфере его административной деятельности. Исходя из представленных в списке постановлений и правил, функции горного начальника сводились к осуществлению «местного надзора» и «хозяйственного распоряжения» камнерезными предприятиями на основании Проекта Горного положения 1807 г. Кроме того, Кабинетом было рекомендовано О.С. Осипову обратиться к опыту его предшественников [10, л. 11].

Отсутствие четких должностных инструкций у горного начальника в отношении фабрики и завода сказывалось на его сотрудничестве с командиром данных предприятий. Например, в 1820 г., минув инстанцию начальника Екатеринбургских заводов, исправляющий должность командира фабрики Я.В. Мор передал в ведомство начальника Златоустовских заводов камнереза Уварова. В результате данного прецедента Я.В. Мору со стороны начальника Екатеринбургских заводов было предписано под опасением строгой ответственности «впредь отдачи на заводы другого ведомства служащих на фабрике людей без позволения начальства не чинить» [11, л. 79].

Схожее положение было в 1830 г. на Колыванской шлифовальной фабрике. «Правилами о передаче в ведомство Министерства финансов Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов» местное управление этим предприятием предписывалось осуществлять на основе соответствующего уральского административного опыта горному начальнику [12, л. 64об.]. Данное предписание стало основанием для внутриотраслевого административного сотрудничества. 13 октября 1830 г. главный начальник Колывано-Воскресенского округа обратился к горному начальнику Екатеринбургских заводов с просьбой «как можно поспешнее доставить списки с узаконений или начальствующих распоряжений о правах и обязанностях управления гранительной фабрикой», которыми он мог бы руководствоваться в отношении Колыванского камнерезного предприятия [12, л. 120–120об.].

На момент запроса в распоряжении горного начальника Екатеринбургских заводов находились только проект «Положения по Императорской Екатеринбургской гранительной фабрике и Горнощитскому мраморному заводу». Авторство проекта принадлежит начальнику Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролову, который действовал по поручению министра императорского двора и управляющего Кабинетом от 6 октября 1827 г. [13, л. 383–383об.]. Работа над проектом стала еще одной формой внутриотраслевого административного сотрудничества. По запросу П.К. Фролова из Екатеринбурга были отправлены примерные штаты, сметы, планы гранительной фабрики и завода, а также находившиеся в Кабинете дела и бумаги, «оставшиеся по прикосновенности к сему делу без исполнения» [13, л. 383об.]. Безусловно, уральские исследователи истории камнерезного дела знакомы с этим фактом, но оставили его без внимания.

Готовый проект Положения П.К. Фролова был представлен главному начальнику Хребта Уральского в конце 1830 г. Дальнейшее его редактирование, вероятно, осуществлялось исправляющим должность командира гранительной фабрики и Горнощитского завода Я.В. Коковиным, которому он был передан горным начальником Екатеринбургских заводов 13 декабря 1830 г. [12, л. 148–148об.].

Сравнение проекта Положения П.К. Фролова и «высочайше утвержденного Положения Императорской Екатеринбургской гранительной фабрики и Горнощитского мраморного завода» от 19 апреля 1836 г. показывает, что функциями местного управления наделялись различные субъекты: в первом документе – горный начальник Екатеринбургских заводов, во втором – директор гранительной фабрики [12, л. 149–162; 14, л. 179–212]. Финансирование фабрики и завода по проекту П.К. Фролова предполагалось осуществлять полностью за счет Кабинета. По штатному положению этих предприятий, утвержденному 3 декабря 1835 г., доля Кабинета в их финанси-

ровании составляла только 65,6%, остальная часть годового содержания фабрики и завода возлагалась на Пермское государственное казначейство [14, л. 9об.]. Кроме того, в качестве дополнительного источника комплектования кадров мастеровых, наряду с основным – естественным, П.К. Фролов предлагал Кабинету использовать на Урале военных кантонистов ближайшего к Екатеринбургскому батальона, которые после поступления на фабрику должны были исключаться навсегда из военного ведомства [12, л. 158]. По Положению 1836 г., единственным источником комплектования кадров уральских камнерезов признавались дети мужского пола мастеровых фабрики и завода, их вдов и дочерей [14, л. 188, 191]. В целом содержание двух документов не противоречит друг другу. Основные отличия касаются структуры и формулировок отдельных статей. Кроме того, утвержденный императором законодательный акт 1836 г. носит более детальный характер, приобретенный им после редактирования местной администрацией.

Таким образом, в результате внутриотраслевого административного сотрудничества было составлено и утверждено 19 апреля 1836 г. «Положение Императорской Екатеринбургской гранительной фабрики и Горнощитского завода», на основе которого вплоть до реформы 1861 г. регулировались административная и производственная сферы их деятельности. Интересно отметить, что 2 февраля 1830 г. было высочайше утверждено «Положение Императорской Петергофской гранительной фабрики» – первого по времени возникновения предприятия камнерезной отрасли. Возможно, разработка такого административного и производственного устава планировалась и в отношении Колыванской фабрики, но так и не была реализована. Можно предположить также, что уже в 40-е гг. XIX в., а может и изначально, Кабинет предполагал вернуть Колывано-Воскресенский (Алтайский) горный округ в свое ведомство и не видел необходимости в подобном документе для алтайского камнерезного предприятия. Не исключено, что Кабинет испытывал трудности в управлении и контроле за камнерезной отраслью в силу значительной удаленности ее центров друг от друга и от Петербурга. Поэтому он инициировал внутриотраслевое сотрудничество по составлению Положения, обмену опытом и информацией. В разработке основополагающих административно-правовых актов Кабинет больше доверял подведомственному ему руководству Колывано-Воскресенских заводов, а не казенной горной администрации Урала. В пореформенный период оценить рентабельность гранительной фабрики вновь было поручено главному начальнику Алтайских заводов, который летом 1861 г. посетил Екатеринбург [15, л. 132]. В рапорте председателю Кабинета он подчеркнул выгодность территориального положения уральского предприятия и дал более высокую оценку

его сырьевой базе в сравнении с другими отраслевыми центрами. В рапорте были представлены расчеты заработной платы камнерезам фабрики исходя из установившихся после реформы 1861 г. цен на муку и средних размеров жалования рабочих в Екатеринбурге. Разница между результатами этих расчетов и оплатой труда, требуемой при заключении контракта с уволенными от обязательной службы камнерезами, составляла в среднем около 40 руб. [15, л. 144–144об.]. Необходимо отметить, что рапорт содержит большое количество ссылок на директора гранильной фабрики П.И. Миклашевского, который был переведен на этот пост в 1859 г. с Алтайских заводов, что могло являться одной из причин солидарности главного начальника с директором фабрики по многим вопросам. Но, несмотря на высокую оценку уральского камнерезного предприятия главным начальником Алтайских заводов Александр II **поддержал мнение** Кабинета о его закрытии или передаче в аренду в 1866 г. [16, с. 154]. Работа Горнощитского мраморного завода была остановлена еще в 1858 г. [15, л. 132]. А пять лет спустя Кабинет распорядился закрыть завод, продать с торгов все его имущество и передать в казенное ведомство мраморные каменоломни [16, с. 167]. За счет остановки гранильной фабрики и завода Кабинет стремился сократить возросшие в пореформенный период расходы. Содержание Колыванской фабрики обходилось существенно дешевле, так как альтернативные места работы для освобожденных от обязательного труда алтайских мастеровых отсутствовали, а кустарное камнерезное производство было неконкурентоспособным. В этих условиях Кабинет имел возможность устанавливать размер жалования алтайским камнерезам вне зависимости от расценок на рынке труда. Кроме того, в сельской местности заработная плата традиционно была ниже, чем в городе. Например, годовое жалование алтайского подмастера в 1868 г. примерно соответствовало по расчетам начальника Алтайских заводов минимальному жалованию бывшего мастерового 3-й статьи гранильной фабрики. Тем не менее Екатеринбургская гранильная фабрика не была закрыта, так как ее администрация намеренно затягивала окончание работ по старым заказам, успешно демонстрируя дееспособность и рентабельность предприятия на международных выставках. С 1870 г. началась работа по созданию нового штата этого предприятия, которая закончилась только в 1888-м [9, л. 232, 5–7].

Таким образом, во второй половине XIX в. **внутри-**отраслевое сотрудничество кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири в административной сфере осуществлялось в форме диалога по проблемам уральского камнерезного центра между Кабинетом и главным начальником Алтайских заводов. Возможно, после исключения из системы управления Екатеринбургской гранильной фабрикой и Горнощитским

мраморным заводом по Положению 1836 г. уральских горных начальников их функции по мере необходимости перекладывались Кабинетом на главного начальника Алтайских заводов, что также было связано с проблемами управления далеко расположенными от столицы и друг от друга предприятиями отрасли.

Особый интерес для нас представляет социальный аспект взаимодействия Екатеринбургской гранильной фабрики, Горнощитского мраморного завода и Колыванской шлифовальной фабрики. Одной из его форм были личные контакты служащих и мастеровых перечисленных предприятий при транспортировке готовых камнерезных изделий в Петербург. Очень важным звеном на этом пути являлся Екатеринбург. Перевозка каменных вещей из Колывани до уральского города, длившаяся до 36 суток, осуществлялась на лошадях, далее – «разными реками и каналами» до Петропавловской крепости Петербурга [18, с. 1014–1015; 3, с. 113]. **Именно в Екатеринбурге колыванские изделия** хранились до вскрытия рек ото льда, проводилось их освидетельствование и упаковка для дальнейшего пути при участии и помощи администрации и рабочих гранильной фабрики [12, л. 12–13]. В доставке каменных вещей, наряду с военными, на случай поломки изделий при транспортировке или окончательной их сборке в Петербурге участвовали камнерезы, как правило, по одному или по два человека. Таким образом, в Екатеринбурге возникали условия для личных контактов уральских и алтайских камнерезов, обмена опытом, знакомства последних с техникой и технологией Екатеринбургской гранильной фабрики. Большое значение данным обстоятельствам придавал управляющий колыванским камнерезным предприятием П.А. Ивачев (1886–1903 гг.), видевший в них «связь между однородными фабриками», которая, по его мнению, прервалась в 70-е гг. XIX в., **когда доставка** алтайских изделий стала осуществляться без участия камнерезов [19, л. 95].

Личные контакты рабочих Екатеринбургской гранильной и Колыванской шлифовальной фабрик возникали не только на территории Екатеринбурга, но и за его пределами при совместной перевозке уральских и алтайских изделий. Например, в январе 1842 г. поручик Линейного Сибирского батальона №10 Петров, возглавлявший команду по доставке камнерезных изделий, сообщил в Кабинет об отсутствии в течение 24 дней мастерового Горнощитского завода Яковлева и подмастерья Колыванской фабрики Шелковникова, отлучившихся в день отъезда команды из Петербурга в торговую лавку [20, л. 28–30об.]. К сожалению, информация о других случаях совместной транспортировки уральских и алтайских изделий в Кабинет нами пока не обнаружена. Тем не менее можно сделать вывод о том, что периодичность и систематичность данной формы социального внутриотраслевого сотрудничества находилась в прямой

зависимости от процесса доставки готовой продукции в Кабинет.

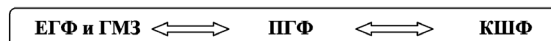
Еще одной формой социального внутриотраслевого сотрудничества является распространение опыта Екатеринбургской гранильной фабрики на Колыванскую, например, по организации небольшого подразделения с административно-полицейскими функциями. Данное явление зафиксировано в делопроизводстве Колыванской горной конторы, получившей 21 сентября 1840 г. разрешение Кабинета на организацию при Колыванской шлифовальной фабрике команды для полицейского надзора и «рассылки по делам службы», которая в 1837 г. была учреждена при Екатеринбургской гранильной фабрике [21, л. 1–2; 22, л. 173–173об.]. Кабинетом предписывалось укомплектовать команду шлифовальной фабрики из трех лучших фабричных людей благонадежного поведения, обмундировать по образцу соответствующей команды уральского камнерезного предприятия и назначить каждому годовое жалование в размере 30 руб. ассигнациями (8 руб. 58 коп. серебром), дополнительно выдавая к нему по 30 руб. ассигнациями на содержание лошадей и сбруи [21, л. 2, 6]. В формулярных списках фабрики за 1844 и 1850 гг. указаны «командные» Семен Яковлев Мельников, Иван Петров Туголуков и Мартемьян Алексеев Кривошеин [23, л. 149об.–150; 24, л. 280об.–281]. Первые двое из них переведены в «командные» из шлифовальных учеников 1-й статьи, последний, самый старший, – из каменоломцев. Все трое являлись потомственными камнерезами, но принадлежали к низовым квалификационным категориям работников. Причем грамотным из них был только самый младший по возрасту И.П. Туголуков.

Несмотря на организацию колыванской команды по образцу екатеринбургской, эти структуры имели ряд существенных отличий. «Команда Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики» состояла из восьми мастеровых хорошего поведения. Двое из них находились на Верхотурских приисках «за счет сумм от продажи крестьянам билетов на прииск цветных камней», еще двое – на изумрудных приисках, а остальные использовались в качестве рассыльных «для командировок с деньгами, полицейской обязанности и летом для присмотра на Сафирных приисках». Содержание последних двух групп «командных» предписывалось осуществлять из суммы фабрики и завода [22, л. 173–173об.]. Экипировка колыванских и екатеринбургских «командных» была одинаковой и включала саблю, рубашку, серые шаровары, зеленый полукафтан и фуражку. Надпись на фуражке отличалась, так как являлась аббревиатурой названий фабрик: ЕГФ и КШФ [21, л. 5, 8]. Существовали различия и в целевом назначении команд фабрик, обусловленные местными особенностями камнерезного производства. Учреждение уральской команды было связано прежде всего с решением проблемы охраны

приисков, которая обострилась после открытия месторождения изумрудов в 1831 г. [3, с. 360–361]. Уже 6 марта 1832 г. были высочайше утверждены «Правила на добычу цветных камней». В них закреплялось исключительное право Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики искать и добывать цветные или драгоценные камни на всех казенных землях Пермской и Оренбургской губерний, а также продавать крестьянам этих территорий билеты на добычу камней [3, с. 374–375]. В этом же документе для надзора за приисками при Екатеринбургской гранильной фабрике учреждалась объездная команда, которая, по данным В.Б. Семенова и Н.И. Тимофеева, начала функционировать с 17 марта 1832 г. [3, с. 377]. Можно предположить, что с 10 июня 1837 г. произошло объединение двух команд – объездной команды 1832 г. и вновь учрежденной команды Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики – в связи с их одинаковым функциональным назначением – обеспечение охраны приисков.

Таким образом, в учреждении уральской команды были заинтересованы прежде всего Министерство императорского двора, Кабинет и сам император. Наделив подведомственное им камнерезное предприятие монополией на добычу камней, они стремились обеспечить таким образом свое исключительное право на сырье и изделия из него, а также доходность от продажи билетов на право добычи цветных камней частным лицам. В то же время гранильная фабрика и мраморный завод получили рассыльных с полицейскими функциями. Острой необходимости в охране алтайских месторождений не существовало, поэтому инициатором организации подобной команды выступил управляющий Колыванской фабрикой, а функции ее членов были более ограниченными. А.А. Пережогин соотносит команду Колыванской фабрики с учрежденными в 1831 г. на Алтайских заводах горными казаками [25, с. 144]. Следует подчеркнуть, что организация казачьей команды также являлась следствием распространения опыта Екатеринбургских заводов на Алтай, но в 1831 г. она не коснулась Колыванской фабрики, вероятно, в силу различного ведомственного подчинения Алтайских заводов и камнерезного предприятия.

Своеобразной формой социального внутриотраслевого сотрудничества являлось перемещение рабочих с одного кабинетского камнерезного предприятия на другое. Интересно отметить, что до 1861 г. оно строилось по следующей схеме¹:

¹ ЕГФ – Екатеринбургская гранильная фабрика; ГМЗ – Горнощитский мраморный завод; ПГФ – Петергофская гранильная фабрика; КШФ – Колыванская шлифовальная фабрика.

Формирование камнерезного производства на Алтае происходило под непосредственным руководством петергофских рабочих мастера Петра Бакланова и подмастерья Михаила Денисова [26, л. 51; 27, с. 56; 28, с. 7]. В 1772 и 1775 гг. на Горнощитский мраморный завод «для скорейшего поспешения требующихся работ» были переведены около 20 мастеровых Петергофской гранильной фабрики, которые прослужили при мраморном заводе и гранильной фабрике более 10 лет, после чего вернулись с семьями в Петергоф [29, л. 3–3об.]. В 1831 г. по просьбе администрации Петергофской гранильной фабрики в ее распоряжение переведены молодые уральские камнерезы Андрей Иванов, Василий Щукин и Петр Мезенцов [12, л. 56–56об.; 30, л. 116]. В «Списке мастерам и мастеровым Императорской Петергофской гранильной фабрики, употребляемым к изготовлению малахитовых колонн и пилястр для Зимнего дворца, коим посылаются установленные на возобновление сего дворца серебряные медали» 1838–1839 гг. старшим мастеровым 2-го разряда числился мастеровой Колыванской фабрики Петр Яковлев Тихобаев [31, с. 71]. Последний раз он зафиксирован в документах алтайского камнерезного предприятия в 1828 г., что может свидетельствовать о том, что в начале 30-х гг. XIX в. Петергофской гранильной фабрикой привлекались для работы, наряду с уральскими, и алтайские камнерезы [32, л. 150об.; 21, л. 115, 131–132].

В дореформенный период перемещения рабочих кадров между уральскими и алтайскими камнерезными предприятиями не осуществлялось. По архивным материалам второй половины XIX – начала XX в. нам стали известны два факта перевода или перехода служащих и рабочих колыванского камнерезного предприятия на Екатеринбургскую фабрику. Так, 10 марта 1872 г. помощником директора Екатеринбургской гранильной фабрики по искусственной части был утвержден окончивший Императорскую Академию художеств со званием художника 1-й степени ученик Колыванской фабрики Назар Андреянов Ивачев [33, л. 13–14об.; 23, л. 69об.–70]. Указом Сената от 28 августа 1873 г. ему присвоен чин коллежского регистратора. Кроме того, в 1913–1916 гг. главным мастером Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики числился сельский обыватель Томской губернии Колыванской волости и села Василий Галлактионов Акимов [34, л. 269об.–270]. В 1909 г. он был старшим мастером Колыванской шлифовальной фабрики с окладом 40 руб. в месяц [35, л. 18]. В 1916 г. его оклад на Екатеринбургской фабрике практически в той же должности составлял 100 руб. в месяц [36, л. 62об.–63]. Кадровые переходы и переводы, на наш взгляд, носили вынужденный характер в связи с кризисными явлениями на алтайском камнерезном предприятии. В первом случае причиной определения на службу при гранильной фабрике Н. Ивачева явля-

лось отсутствие вакансий при Колыванской фабрике для людей, соответствовавших его званию и статусу. Во втором – последовавшее 9 января 1914 г. решение Кабинета об ограничении деятельности Колыванской шлифовальной фабрики в рамках добычи и грубой первоначальной обработки камня для Петергофской и Екатеринбургской гранильных фабрик [37, л. 1–4].

При выявлении фактов социального внутриотраслевого сотрудничества уральского и алтайского центров камнерезного производства обращает на себя внимание наличие, наряду с внутриотраслевым, внутриведомственного взаимодействия на уровне гранильной фабрики и Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа. Это связано с тем, что в XIX – начале XX в. на территории Среднего Урала Екатеринбургская гранильная фабрика и Горнощитской мраморный завод были единственными предприятиями, подведомственными Кабинету. Особенно тесным такое внутриведомственное сотрудничество было в дореформенный период. Например, в 1826 г. кабинетский регистратор Колывано-Воскресенских заводов Гаврило Качка, проезжая город Шадринский, заболел и до выздоровления был перемещен в штат Екатеринбургской гранильной фабрики [13, л. 12]. Документы фиксируют перемещения и в обратном направлении. 29 марта 1830 г. было получено распоряжение Кабинета на отправку мастерового Екатеринбургской гранильной фабрики Дениса Птухина за неоднократные кражи, самовольные отлучки от службы, буйство и пьянство на Колывано-Воскресенские заводы в тяжелые горные работы [12, л. 52–53об.]. Проектом Горного положения для управления заводов Хребта Уральского 1806 г., действие которого распространялось и на уральских камнерезов, по ст. 381 таких мастеровых отправляли на военную службу [38]. Но в данном случае последовало решение императора о том, чтобы «горное начальство как сего мастерового, так и впредь подобных наказанных шпицрутенами, употребляло в усиленные работы по своему усмотрению». Дениса Птухина решено было отправить на Колывано-Воскресенские заводы за неимением на гранильной фабрике и мраморном заводе тяжелых работ. Сведений о выполнении данного решения мы пока не обнаружили. Кроме того, 7 ноября 1859 г. директором Екатеринбургской гранильной фабрики был определен состоящий на Алтайских горных заводах подполковник Корпуса горных инженеров П.И. Миклашевский. По его ходатайству в апреле 1860 г. на фабрику перевели как «лучшего в поиске из числа служащих в Змеиногорском краю» С.Ф. Юнышева [39, л. 115; 3, с. 644].

Несмотря на единичный и отрывочный характер обнаруженных фактов, можно сделать вывод о существовании взаимодействия и сотрудничества кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири в социальной сфере. Они были представлены

тремя формами: личные контакты камнерезов, распространение опыта Екатеринбургской гранильной фабрики на Колыванскую и перемещение рабочих кадров внутри отрасли. Интересно отметить, что их возникновение основано на единой ведомственной принадлежности камнерезных предприятий Кабинету и неразрывно связано с другими видами внутриотраслевого взаимодействия, такими как совместная перевозка изделий в Петербург и сотрудничество в административной сфере. Наиболее систематичными и последовательными нам представляются личные контакты уральских и алтайских камнерезов, имевшие место при транспортировке готовых каменных вещей в столицу. Необходимость перевозок возникала практически ежегодно. К сожалению, мы не располагаем информацией о социальном взаимодействии при доставке заготовок камня и наждака.

Таким образом, внутриотраслевое сотрудничество кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири осуществлялось в четырех сферах: сырьевой, административной, социальной и транспортной. Каждая из сфер была представлена двумя или тремя формами. В сырьевой сфере происходил обмен породами камней и снабжение уральским абразивом Колыванской шлифовальной фабрики. В административной сфере – совместное составление «Положения по Императорской Екатеринбургской гранильной фабрике и Горнощитскому мраморному заводу», их ревизия высшим должностным лицом Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа, обмен опытом

и информацией по местному управлению кабинетскими камнерезными предприятиями. В социальной сфере имели место личные контакты алтайских и уральских камнерезов, учреждение команды Колыванской шлифовальной фабрики по образцу «командных» Екатеринбургского горного округа, распространение опыта Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского завода на Колыванскую фабрику, а также практиковалось перемещение рабочих с одного кабинетского камнерезного предприятия на другое. В транспортной сфере осуществлялись совместная перевозка готовых изделий из камня в Петербург и помощь администрации Екатеринбургского горного округа и гранильной фабрики в ее организации.

Специфика источниковой базы, выраженная во фрагментарности и бессистемности информации о внутриотраслевом сотрудничестве и взаимодействии кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири, ограничивает возможности для выводов. Тем не менее известные нам факты свидетельствуют в пользу того, что, несмотря на очевидную дееспособность уральских камнерезных предприятий, Кабинет отдавал предпочтение уступавшей им по условиям производства Колыванской шлифовальной фабрике на том основании, что она изначально создавалась и действовала на подведомственной ему территории. Вспомогательное значение Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского завода искусственно инициировалось Кабинетом и не соответствовало их реальному положению.

Библиографический список

1. Каган, Ю.О. Класс резного искусства / Ю.О. Каган. – Екатеринбург, 2002.
2. Савельев, Н.Я. Изделия Алтайских камнерезов / Н.Я. Савельев // Краеведческие записки. – Вып. 1. – Барнаул, 1956.
3. Семенов, В.Б. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика. 1805–1861 гг. / В.Б. Семенов, Н.И. Тимофеев. – Екатеринбург, 2003.
4. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1426.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 58.
6. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 75.
7. Семенов, В.Б. Книга резного искусства / В.Б. Семенов, Н.И. Тимофеев. – Екатеринбург, 2001.
8. ЦХАФ АК. – Ф. Р. 232. – Оп. 1. – Д. 9.
9. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 416.
10. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 97.
11. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 84.
12. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 113.
13. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 103.
14. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 163.
15. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 383.
16. Семенов, В.Б. Екатеринбургская гранильная фабрика: 1861–1917 гг. / В.Б. Семенов, Н.И. Тимофеев. – Екатеринбург, 2003.
17. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 496.
18. Гуляев, С. О большой яшмовой чаше, сделанной на Колыванской шлифовальной фабрике / С. Гуляев // Санкт-Петербургские ведомости. – 1844. – №225.
19. ЦХАФ АК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1343.
20. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 266.
21. ЦХАФ АК. – Ф. 59. – Оп. 2. – Д. 76.
22. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 177.
23. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 4793.
24. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 5527.
25. Пережогин, А.А. Военнозаводская система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа (1747–1871 гг.) / А.А. Пережогин. – Барнаул, 2005.
26. ЦХАФ АК. – Ф. Р. 232. – Оп. 1. – Д. 16.
27. Савельев, Н.Я. Ф.В. Стрижков (1769–1811 гг.) / Н.Я. Савельев. – Барнаул, 1954.
28. Савельев, Н.Я. Алтайские камнерезы / Н.Я. Савельев. – Барнаул, 1956.
29. ГАСО. – Ф. 770. – Оп. 1. – Д. 401.
30. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 119.
31. Семенов, В.Б. Малахит. Т. 2. Хроника. Документы. Комментарии / В.Б. Семенов. – Свердловск, 1987.
32. ЦХАФ АК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 3315.
33. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 412.
34. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 478.
35. ЦХАФ АК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 345.
36. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 374.
37. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 788.
38. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 29. – СПб., 1830.
39. ГАСО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 346.